

1906

№2

АДСКАЯ ПОЧТА

ЦѢНА

15К

Д. Н. Кардовскій.

...«Нижній чинъ долженъ ходить съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства, какъ имѣющій счастье состоять на царской службѣ, какъ носитель доблестнаго мундира, который запятнать и замарать грѣшно: шапка набекрень, молодцомъ, красавцемъ, щеголемъ, женихомъ, картинкой, дабы встрѣченныя военныя любовались, а обыватели проникались почтеніемъ и уваженіемъ».

Изъ приказа по 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи.

СТѢНЫ КАИНОВЫ.

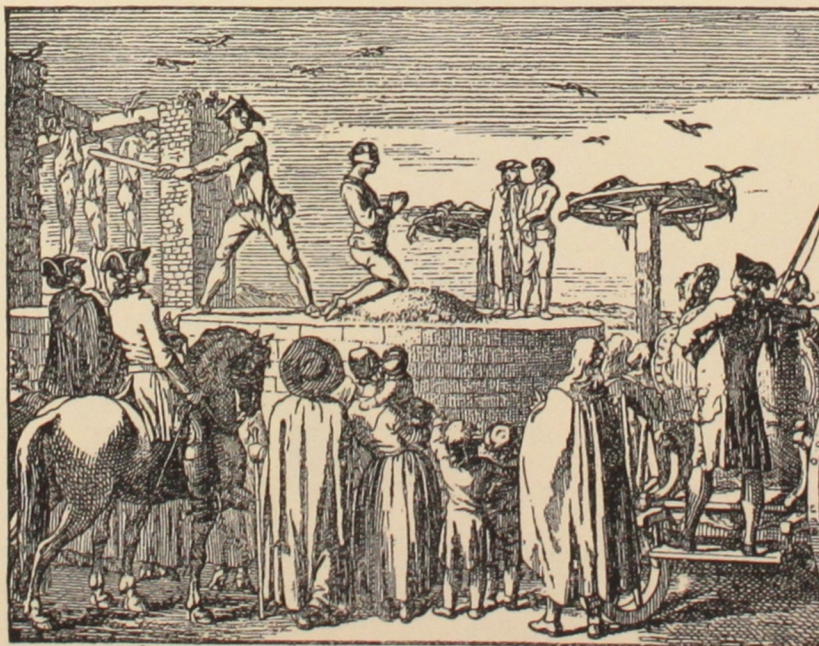
И рече ему Господь Богъ: не тако: всякъ убивый Каина, седмижды отмститися. И положи Господь Богъ знаменіе на Каинѣ, еже не убити его всякому обрѣтающему его.

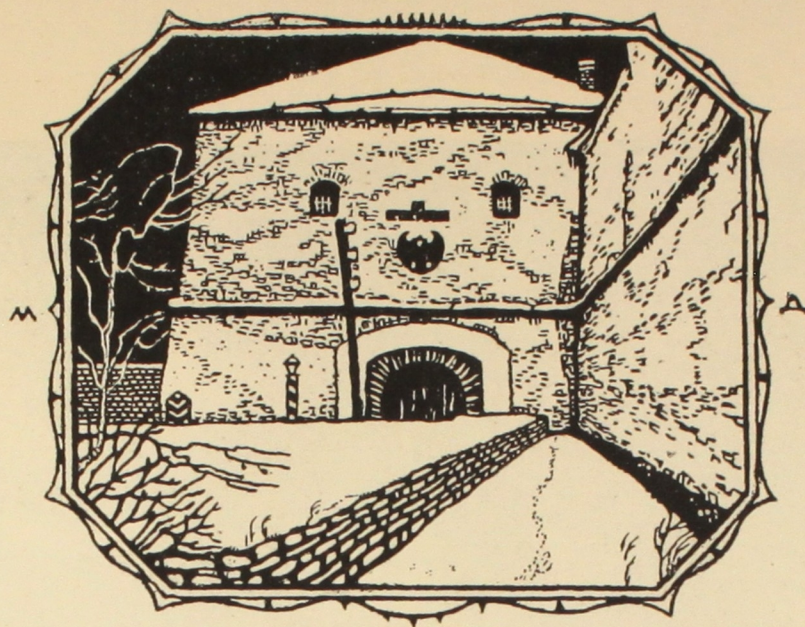
Васъ Каинъ основалъ, общественныя стѣны,
Гдѣ «не убій» блюдетъ убійца—судія!

Кровь Авеля размочетъ ваши плѣны,
О братствѣ къ небу вопія.

Со Смертію въ союзъ вступила ваша Власть,
Чтобъ стать безсмертною. Смотрите жъ, люди—братья!
Вотъ на ея челѣ печать ея проклятья:
«Кто всталъ на Каина—убійцу, долженъ пасть».

Вячеславъ Ивановъ.

»крѣпость«

Подъ воротами двуглазой облупленной башни съ золотымъ кованымъ ключемъ на стальномъ шпицѣ толкалась кучка сухопарыхъ бабъ съ поджатыми злющими губами.

Забрались бабы въ крѣпость спозаранку, выстояли обѣдно въ крѣпостной церкви, истово приложились къ иконамъ и отправились ходить по тюрьмамъ, будто по пещерамъ Лавры съ угодниками и мощами. Разъ десять побывали онѣ и въ каменной старой тюрьмѣ и въ новой кирпичной, разъ десять заглянули въ каждую камеру, все перетрогали, про все разспросили. Пора бы бабамъ домой уходить, обѣдать пора, а бабы не уходили, наступали на жандарма,—давеча жандармъ водилъ ихъ по тюрьмамъ, терпѣливо показывалъ всякую мелочь.

— И не пойдемъ—хорохорилась самая старая, — ты намъ главнаго не показалъ.

— Ей Богу, все показалъ!—божился жандармъ.

— Все, да не все, а еще божится! ты темную показалъ? висѣлицу показалъ? мельницу ты показалъ - а!

— Какую еще мельницу!

— Таковую, нечего дурака-то валять, извѣстно, мельница,—людей мололи.

Жандармъ обидѣлся:

— Грѣхъ тебѣ, тетка, болтать зря.

— Грѣхъ въ орѣхъ, а зерно въ ротъ, не тебѣ меня учить, толстомордый.

— Ну, проваливай, проваливай!—вступился часовой.

— Какъ бы не такъ, ты напередъ покажи, а потомъ и лайся, клыкъ.

Жандармъ на минуту вспыхнулъ, потомъ вдругъ ощерился.

— Покажи да покажи,—сказалъ онъ, постукивая сапогъ о сапогъ,—да что я тебѣ въ самомъ дѣлѣ покажу, хрѣнь, что ли, съ масломъ?

— Тыфу, окаанный!—заплевались бабы.

— Хе, хе, хе,—подхватили другіе жандармы, околачивались жандармы безъ дѣла у часовой будки, было воскресенье.

Ничего не сказали бабы, поплевали молча на жандарма, поплевали трижды таинственно, какъ на что то нечистое, отъ чего отплеваться надо, чтобы не пристало ни къ слѣду, ни къ глазу и молча, еще злѣе пожимая сухія губы, пошли себѣ къ берегу.

Темныя, закутанныя въ теплыхъ платкахъ, хороня въ узелкахъ взятое на счастье покинутое тюремное добро,—сушеные цвѣточки, обрывки исписанной бумаги, камешки,—уносили онѣ на волю каплю глазъ, каплю мысли, каплю сердца и каплю души заключенныхъ когда то въ этой проклятой крѣпости.

Сгорбленный мужиченка, вынырнувшій откуда то изъ подъ снѣга, принялъ бабъ въ лодку.

Закачалась лодка, покатила.

— Окаанный—окаанный!—ударялъ вѣтеръ подъ воротами двуглазой облупленной башни съ золотымъ кованымъ ключомъ на стальномъ шпицѣ.

Бѣжали бабы по черной полыньѣ на ту сторону, грозили костлявыми пальцами, засыпались снѣгомъ.

Не показалъ имъ жандармъ главнаго. Про что онѣ теперь расскажутъ на другой сторонѣ?

Видѣли онѣ ванну, видѣли электрическія лампочки, мастерскую, человѣскій скелетъ, но главнаго...

— Окаанный—окаанный,—лизали волны крѣпостной вала, выли, взъерошенные вѣтромъ и вольными веслами:

По черному бѣлая увѣренно плыла—уплывала лодка.

— Охъ, ужъ эти бабы, пристануть, какъ банный листъ, ни по чемъ не отвяжешься—ворчалъ жандармъ, поколачивая сапогъ о сапогъ.

Шель снѣгъ.

Бѣлыми бѣлыми пушинками порошилъ дорожку вокругъ крѣпости, порошилъ золотой кованый ключъ, надворотный двуглавый орелъ, темныя окна—глаза.

И похрустывалъ.

Межъ двухъ отдаленныхъ глухихъ башенъ, обращенныхъ къ озеру, отъ Королевской до Часовой и отъ Часовой до Королевской шагаль, какъ на часахъ, запорошенный человѣкъ.

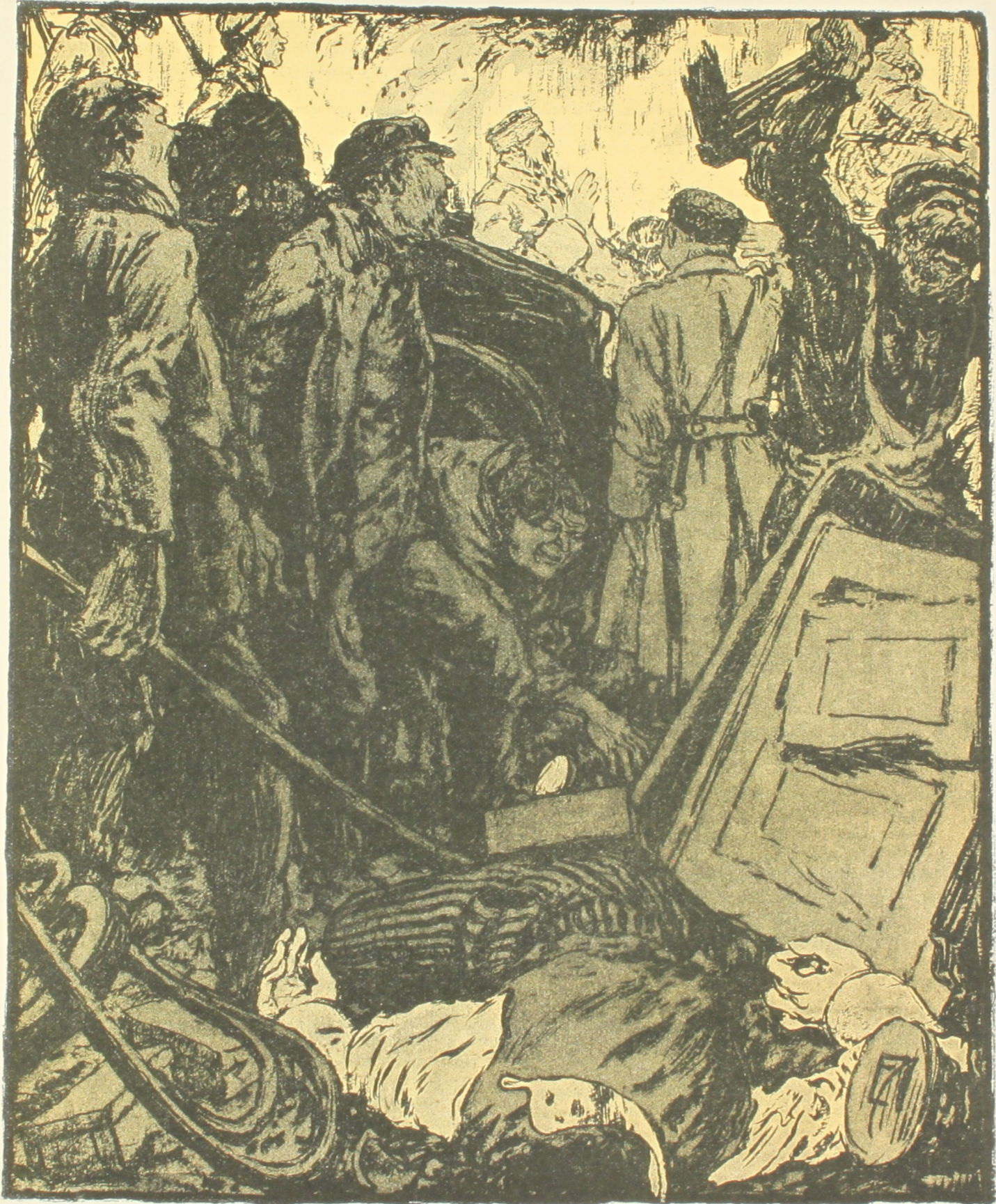
И похрустывалъ.

Съ утра весь день онъ ходилъ по тюрьмамъ въ хвостѣ бабъ и, какъ бабы, все трогалъ и спрашивалъ и, какъ бабы, заглядывалъ въ каждую пустую камеру.

А теперь тутъ одинъ подъ стѣной, не одинъ—надъ нимъ бѣлое небо и вѣтеръ и снѣгъ.

Тризна.

— Радзі старатся, Ваше Превосходительство!..

Волосы подымались отъ ужаса, и всѣ мысли до единой ломались, какъ соломенки, кололи мозгъ, и сердце наливалося кровью, готовое лопнуть.

Каждый мигъ охватывали душу все новые и новые пожары, сжигали все, чѣмъ жилъ человѣкъ: его утро, его вечеръ и его ночь.

Пускай вѣтеръ подкоситъ его и ударитъ головой объ стѣну и засыплетъ безслѣдно этимъ бѣлымъ снѣгомъ.

У него нѣтъ больше дома и нѣтъ крова.

И не надо ни дома, ни крова.

Тянулась отъ сердца бѣлоснѣжная дорога безъ конца, безъ надежнаго, и другой дороги не было.

Вотъ уйдетъ бѣлая студеноя зима, повеселѣють луга и поля, зацвѣтеть каждый холмикъ, каждый бугорокъ, и подымется надъ землею огромное солнце, согрѣетъ теплыми лучами, вспрыскнетъ дождемъ мертвое и заснувшее.

Мертвое и заснувшее пробудится живымъ подъ солнцемъ.

Не надо этого солнца и этихъ луговъ и этого поля,—каждый цвѣтокъ напоенъ кровью, каждая пядь не дождемъ смочена,—краснымъ дождемъ.

Зачѣмъ солнце, зачѣмъ цвѣты?

Кровь...

Голова кругомъ пошла.

Она подняла всю жизнь. И стелились дни, день за днемъ. Будто не годъ и не два и не двадцать лѣтъ, а вѣчность, какъ стала земля и живъ человѣкъ,—и эта крѣпость стояла, и сѣрокопые въ ней подъ замкомъ люди жили, и не знали дня,—придетъ ли день?—когда раскроются двери.

Подъ замкомъ люди жили, ихъ запирали въ блестящія ящики, какъ въ гробъ, навсегда.

Но живому сердцу не вмѣститъ этого страшнаго навсегда.

Бунтовало сердце.

И били ихъ, вязали по рукамъ и ногамъ, и кричали и ругались и волокомъ волокли по винтовой желѣзной лѣстницѣ сверху внизъ и по асфальту на дворъ и дальше по двору до воротъ, гдѣ принималъ ихъ каменный застѣнокъ и поглощала сырая черная дыра навсегда.

Но живому сердцу не вмѣститъ этого страшнаго навсегда.

Бунтовало сердце.

И не разъ тѣ, кому приказано было караулъ держать, слѣдили и подслушивали ихъ послѣдній сонъ и видѣли предсмертныя чашы, наряжали передъ казнью и видѣли, какъ минутою назадъ живой непреклонный и смѣлый висѣлъ подъ бѣлымъ саваномъ высоко надъ землею, и не разъ смотрѣли они въ закатившіяся отъ мукъ глаза, и сколачивали ящикъ-гробъ, рыли яму вонъ тамъ, закапывали вонъ тамъ...

Никогда никто не прочиталъ надъ ними молитвы.

Никогда никто не закрылъ имъ мертвые глаза.

Никогда никто не отдалъ имъ послѣдняго цѣлованія.

На минутою остановился человѣкъ, каменный вдругъ, какъ стѣна, и твердый, какъ башня. Посинѣло сердце отъ гнѣва и душа возмущилась.

Онъ пойдетъ, онъ отмститъ за эти гроба, за эти висѣлицы, за хулу на жизнь,—жизнь смяли, связали по рукамъ и ногамъ, убивали медленно, подтачивали безпощадно одиночествомъ.

Онъ пойдетъ, онъ отмститъ, онъ найдетъ тѣхъ, кто приказывалъ и повелѣвалъ мучить и истязать въ этой проклятой крѣпости.

За каждый часъ, за каждую минутою, за каждый кратчайшій мигъ страданій,—а они возрастали годъ за годомъ, не годъ и не два и не двадцать лѣтъ, а вѣчность, какъ стала земля и

живъ человѣкъ,—онъ изобрѣтетъ жесточайшія казни и отдастъ имъ тѣхъ, кто приказывалъ и повелѣвалъ мучить.

И не будетъ конца казнямъ.

Весь бѣлый въ снѣгъ увѣренно повернулъ человѣкъ прочь отъ стѣны на другую дорогу.

Шелъ снѣгъ.

Бѣлый бѣлыми пушинками порошилъ дорожку, слѣды человѣка, обледенѣлый валъ и черную перекладку для рыбацкихъ снастей подъ чернымъ навѣсомъ—этотъ крестъ на безкrestной могилѣ.

Прошлогодня сухая трава и высокіе стебли замерзшихъ цвѣтовъ торчали изъ подъ снѣга, качались подъ вѣтромъ.

Трава и цвѣты на безкrestной могилѣ.

И тоска полыхала по снѣгу, по вѣтру, по травѣ, по цвѣтамъ.

Передъ ней плыла вся земля.

Ты не жди утolenія, ты не найдешь его на этой землѣ.

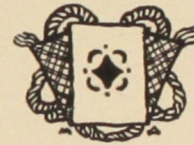
Кровь за кровь, мечь за мечь, безъ конца.

И тоска полыхала по снѣгу, по вѣтру, по травѣ, по цвѣтамъ.

Безысходная подымалась она бѣлымъ пламенемъ въ снѣжномъ столбѣ и тамъ за облаками передъ лицомъ звѣздъ вмѣстѣ со смѣхомъ недосмѣяннымъ, плачемъ недоплаканнымъ, словами не высказанными тосковала...

Царь небесный, Утѣшитель,

Духъ истинный, прійди!

Было тихо и жутко въ крѣпости по вечернему.

Отошла вечерня.

Смѣнились часовые у двуглазной облупленной башни, крѣпостныя ворота заперли.

Сумракъ, сгущаясь, куталъ пустынные зданія, и пропалъ тесовый крестъ на фундаментѣ заложеной церкви противъ оконъ кирпичной тюрьмы.

Жандармскія жены укладывали спать ребятишекъ. Ребятишки капризничали.

Звякали шпоры въ казармахъ, и подымалась по лѣстницѣ жандармская шашка, шла пугать ребятишекъ.

Но темь овладѣла крѣпостью.

Старый вахмистръ, щетиня сѣдыя брови, прошелъ въ дежурную, громыхая ненужными теперь тюремными ключами.

Много нынче было посѣтителей, затормошили: всѣ хотять знать, спрашиваютъ.

Старого ко сну клонило.

Въ бѣломъ комендатскомъ домѣ засвѣтились огни. Раскладывали зеленые столики. Ставили по двѣ свѣчи.

Старый хозяинъ приглашалъ гостей. Улыбалось его мягкое маслянистое лицо, и маленькіе глазки черненькіе, какъ жгутики, прыгали отъ любезности.

Начиналась игра.

Узорныя стрѣлки старинныхъ часовъ на крѣпостной колокольнѣ безшумно шагъ за шагомъ подвигались къ ночи.

Вѣтеръ, застрѣвая въ рѣзѣбѣ, вырывался, толкалъ стрѣлки къ полночи и шипѣлъ отъ ярости.

Медлила полночь.

Въ угловой камерѣ каменной старой тюрьмы, темной и глухой, какъ погребъ, сновало что-то, ломалось въ невыносимую тоскѣ. Исполсованная стѣна не заглядывала въ окно, и смотрѣло окно проломленнымъ глазомъ.

Въ углу камеры висѣла иконка Воскресеніе Христова, какъ

висѣла много лѣтъ, когда въ первый разъ привели сюда въ этотъ застѣнокъ и захлопнули дверь навсегда.

Воскресеніе Христова наливало тьмой, и черное пятно плавало во тьмѣ и тоскѣ невыносимой.

И вдругъ странный ликъ, дробя тьму страннымъ свѣтомъ, взглянулъ изъ угла.

И поднялось со всѣхъ угловъ и со всѣхъ стѣнъ все за- таенное, все убитое и пропавшее, чему не было выхода, чего нельзя было выпустить,—поднялось и пошло къ этому свѣту странному.

Но свѣтъ мигалъ дьявольскимъ глазомъ и не принималъ этой тоски нестерпимой.

Думы, которыя замерли подъ черепомъ, желанія, сожжен- ные въ сердцахъ... онѣ припадали къ камню, къ непреклонной стѣнѣ, неутоленные, неутолимыя до послѣдняго дня.

Дьяволъ воскресалъ среди тьмы и скорби и отчаянія, воскресалъ на вѣки, какъ царь, въ этомъ царствѣ муки и неутоленности.

Въ пустынныхъ зданіяхъ крѣпости мелькали огоньки.

Часовой на часахъ у двуглазной облупленной башни съ

золотымъ кованымъ ключемъ на стальномъ шпильѣ кутался въ тулупъ, творилъ молитву отъ навожденія.

А по крѣпостному двору отъ церкви до манежа проха- живался кто-то въ красномъ, какъ палачъ, подпоясанный ве- ревкой, и въ красной шапкѣ, какъ палачъ, покручивалъ плетью.

Визжала плеть, плакала.

Въ бѣломъ комендантскомъ домѣ нагаражи свѣчи.

Шла игра.

Старый хозяинъ увѣренно игралъ, обыгрывалъ гостей. Везло, какъ всегда. Вытягивая усатые губы и сопя, будто думая, увѣренно рѣзалъ комендантъ на право и на лѣво.

И вдругъ съ тревогой опускалъ руки въ карманъ и похо- лодѣвшими пальцами нащупывалъ теплую веревку, снятую съ шеи казненнаго.

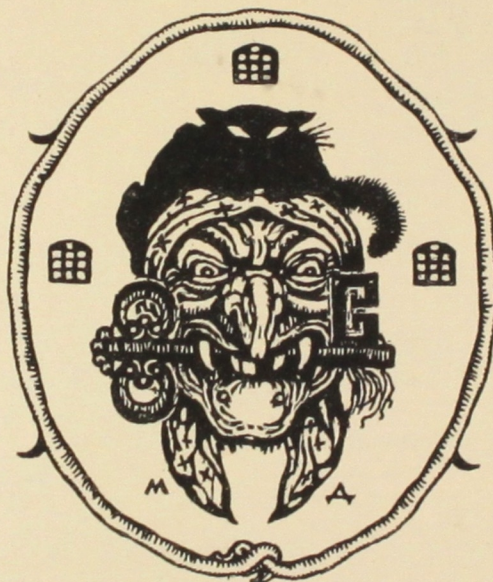
Мягкое, маслянное лицо улыбалось, и маленькіе глазки, черненькіе, какъ жгутики, прыгали отъ любезности.

Ужъ пробилъ полночь. За рѣвкой пѣтухи перекликались.

Спала крѣпость мертвецкимъ сномъ.

А въ тюрьмахъ ночь и тоска и неутоленность.

Алексій Ремизовъ.

НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

- 1-ый хоръ: А земля-то наша вся, наша вся!
Ой Дидь-Ладо, наша вся, наша вся!
- 2-ой хоръ: А земли-то нѣту вамъ, нѣту вамъ!
Ой, Дидь-Ладо, нѣту вамъ, нѣту вамъ!
- 1-ый хоръ: А мы землю выкупимъ, выкупимъ!
Ой, Дидь-Ладо, выкупимъ, выкупимъ!
- 2-ой хоръ: А мы землю продали, продали!
Ой, Дидь-Ладо, продали, продали!

Подпывало.

ГОРЕМЫКИНЪ.

Б. К.

«Но щеки его такъ хорошо бѣли сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро вѣростали вновь, еще даже лучше прежнихъ».

Гоголь «Мертвые души». (Томъ I, стр. 69).

Библиотека
Иванова В. И. Лосева

ВЪ ПРОВИНЦІИ Ц.№20К

И.
9

Б.
6

У ВИСЬЛИЦЫ.

Небо въ четырехъ угольникѣ высокихъ, теперь черныхъ стѣнъ было безъ звѣздъ, хмурое, злое, посылало острый вѣтеръ. Думалось: когда займется разсвѣтъ—не станетъ радости, будутъ метаться сѣрыя осеннія облака, заболитъ голова, загрохочутъ телѣги, какъ нестройный раздражающій крикъ. И какъ-то выходило, что теперь въ эту придавленную осеннюю ночь можно мучить людей и можно ихъ вѣшать.

По двору всѣ старались идти тихо, крадучись. Никто не сговаривался, но каждый зналъ, что вверху изъ-за желѣзныхъ холодныхъ рѣшотокъ, слушаютъ и глядятъ измученные, не засыпавшіе всю ночь люди. Увидѣть они ничего не могли, но всѣмъ было тяжело въ плечахъ и спинѣ отъ этого напряженного, рѣжущаго темноту злого взгляда.

Вѣшать надо было за вторымъ дворомъ у глухой стѣны, какъ обычно. Вечеромъ оттуда доносился негромкій, часто прерывавшійся стукъ. Теперь все было тихо; звуки топора завязли въ узкихъ камерахъ, припали къ унылымъ камнямъ, вѣдрились въ память людей. Когда-нибудь оживутъ.

Осужденный дрожалъ; казалось, ему очень холодно; лица не было видно, да на него и не глядѣли; слышно было какъ часто зѣваетъ. Онъ плохо владѣлъ лѣвой ногой, она волочилась, не твердо ступая, это задерживало; всѣ злились на него: хотѣлось скорѣе все кончить уйти, уйти...

Прокуроръ подумалъ, что хорошо бы его поддержать, и тотчасъ докторъ, странно угадавъ его мысль,

подошелъ и тронулъ осужденнаго за руку. Должно быть тому почудилось нѣчто страшное, потому что онъ вдругъ закричалъ слѣпымъ дикимъ голосомъ, который вызываетъ бессмысленный ужасъ. И сейчасъ же въ отвѣтъ сверху изъ всѣхъ темныхъ оконъ слышались отчаянные, рѣжущіе темноту крики женщинъ и внезапно обрушивающіяся проклятія мужчинъ. Показалось, что неистовымъ краснымъ крикомъ закричали сами стѣны. Докторъ въ ужасѣ отдернулъ руку, а тюремщикъ, не помня себя отъ злости, ударилъ осужденнаго по темени, чтобы тотъ замолчалъ.

Но ужъ этого вспыхнувашаго крика изъ невидимыхъ оконъ нельзя было остановить. Пересиливая общій гулъ, кто-то плакалъ, словно притворялся, и бѣшено проклиналъ; страшныя слова мести сыпались сверху, рвали, комкали темноту. Прокуроръ сжался, втянулъ голову въ плечи, жандармскій офицеръ кривилъ губы и все обдергивался. Уже не заботились о томъ, чтобы ходить тихо, всѣ торопились пробѣжать дворъ и почему-то больше всѣхъ торопились осужденный. Одинъ разъ онъ поднялъ голову, видимо, хотѣлъ что-то сказать, но, словно боясь опоздать куда-то, побѣжалъ дальше, припадая на лѣвую ногу. Страшная ночь, молчавшая десятки, десятки лѣтъ—такъ думалось—открыла свою пасть и завывла. Прокуроръ—еще молодой человекъ вдругъ понялъ, что никогда, нигдѣ не будетъ въ состояніи забыть ужаснаго, торопливаго бѣгства по черному тюремному двору среди колючихъ криковъ, сыпавшихся съ неба. Что-то гнусное, страшно

омерзительное коснулось его; съ этой ночи онъ сразу переиначился, словно покотился куда-то въ яму. На землѣ ему ужъ никто не былъ страшенъ или дорогъ.

Палача спеціалиста не нашлося, и вѣшать пришлось бывшему уголовному, истопнику бань. Онъ косилъ глазомъ и болѣлъ нехорошей болѣзнью; его напоили, и теперь отъ него несло рѣзкимъ удушливымъ запахомъ спирта. Исполнившись уваженія къ прокурору онъ, приближаясь, что-то шепталъ ему съ угрюмой подобострастностью. Отвратительный запахъ спирта дѣлался явственнѣе, глушилъ крики заключенныхъ со второго двора.

Зажгли переносный фонарь, обрисовался рядъ кирпичей, сбившаяся на сторону ряса священника, нѣсколько блестящихъ пуговиць. Докторъ отошелъ, закурилъ папироску; желто-красный огонекъ висѣлъ въ холодномъ воздухѣ.

Потомъ косоглазый истопникъ, поднимаясь на дыпочки, натянулъ на осужденнаго бѣлый мѣшокъ, похожій на саванъ. И хотя онъ вѣшалъ человѣка въ первый разъ, но сдѣлалъ это достаточно ловко.

И вотъ среди группы ночныхъ людей появился неуклюжій безобразный мѣшокъ, и въ немъ что-то шевелилось.

Красноватый огонекъ папиросы опустился ниже, потускнѣлъ. Налетѣлъ вѣтеръ и тронулъ волосы на головѣ истопника. Въ камерахъ, какъ будто тамъ почувяли, сразу смолкли крики и стало тихо.

Стало тихо, похоже на долгій кошмаръ. Надъ бѣлымъ живымъ мѣшкомъ спустилась веревка, прикрѣпленная къ деревянной перекладинѣ въ стѣнѣ. Пьяный истопникъ принялся заправлять петлю, сопѣлъ и вытягивался. Тюремщикъ, поставивъ фонарь на землю, сталъ помогать ему. Теперь были видны только ноги—жалкія человѣческія немолодые ноги, мокрые камни и кусокъ безобразнаго бѣлаго мѣшка.

И вдругъ этотъ кусокъ сталъ подниматься отъ земли, исчезъ изъ свѣта и на его мѣсто появились еще нѣсколько мокрыхъ камней. Вотъ и все.

Прокуроръ закрылъ глаза.

Что-то треснуло, и бѣлый мѣшокъ со всего размаху съ хрустомъ шлепнулся внизъ: порвалась веревка.

Дальній огонекъ папироски сталъ описывать не большія изломанныя линіи. Тюремщикъ быстро опу-

стился на корточки и, поднявъ надъ головой фонарь, смотрѣлъ, выжидая.

На землѣ, потерявъ форму, лежала бѣлая грудка, и въ складкахъ холста прятались тѣни, какъ ключья ночи. Мелькнула пронзительная мысль:

— А если тѣни зашевелиются...

— А! Тѣни зашевелились — хотѣлось кричать — тѣни зашевелились—и обозначалось какъ двѣ руки изнутри слятся сбросить мѣшокъ.

Заговорилъ тяжелый чужой бѣлый голосъ, совершенно не похожій на голосъ осужденнаго, потому что веревка повредила ему горло.

— Слава Богу, теперь все кончено. Развяжите.

Бѣлая грудка начала барахтаться, угадывалось, что ея усилія осмысленны — она поднялась, повернулась. Голова изнутри натянула холстъ, и обозначился огромный выпуклый страшно умный черепъ.

— Что же вы стоите? Мнѣ самому трудно. Прокуроръ! Я буду жаловаться господину прокурору.

Онъ хотѣлъ сердиться, настаивать, но плоскій неподвижный голосъ потерялъ выразительность, и слова звучали ровно, однотонно, пусто.

Люди, которымъ было поручено убить, стояли безъ движенія съ расширенными немигающими глазами, и огромный страшный черепъ безъ лица судилъ ихъ.

— Я буду жаловаться правительствующему сенату, министру юстиціи и въ иностранныя газеты — ровнымъ перерѣзаннымъ голосомъ, какимъ кричатъ во снѣ, продолжалъ черепъ. Я больше не желаю, чтобы меня вѣшали. Кромѣ того, я сейчасъ растянулъ себѣ связки въ ступнѣ. Могу остаться хромымъ на всю жизнь.

Бѣлый мѣшокъ, бѣлый саванъ сошелъ съ ума. Это было ясно. Истопникъ закинулъ голову, совершенно бессмысленно и откровенно икалъ. Красный огонекъ пропалъ. Прокуроръ не въ силахъ былъ вынести невидимаго взгляда черепа и со стономъ отвернулся. Тихо звякнули дары въ рукѣ у священника.

Сумашедшій безъ лица продолжалъ своимъ страшнымъ и плоскимъ голосомъ:

— Вамъ было сказано меня повѣсить, вы это исполнили, а что я живъ—это мое дѣло. Два раза вы не имѣете права вѣшать.

Но тутъ къ сумашедшему подкрался тюремщикъ, свалилъ его, и сѣдая злая борода была около холста. Онъ схватилъ конецъ веревки и принялся тянуть къ себѣ.

— По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ подумать—что вы дѣлаете?—сказалъ мѣшокъ, и даже этотъ мертвенно ровный голосъ выразилъ необычайную муку: единственный случай въ Европѣ... въ музеи...

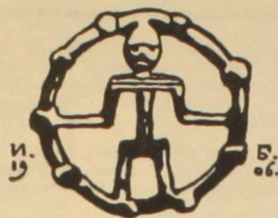
Истопникъ, получивъ отъ тюремщика ударъ ногой, очнулся и принялся помогать. Черезъ двѣ минуты они задушили его тутъ же на землѣ на мокрыхъ камняхъ, не вздергивая.

Когда поднялись, оба тяжело дышали, были потны, углы рта опустились.

У прокурора тоже прилипали воротникъ къ вспо-

тѣвшей шеѣ. При остромъ вѣтрѣ чуть-чуть занимался разсвѣтъ. Думалось, что скоро по небу будутъ метаться осеннія облака, загрохочутъ тѣлѣги.

Осипъ Дымовъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Иловайскій. „Исторія русско-русской войны“ Спб. 1906 г. 365 + VI стр. съ 20 портретами. Рекомендовано мин. внутр. дѣлъ для школъ иprogимназій. Ц. 1 р. 50 к.

Имя почтеннаго историка достаточно хорошо извѣстно публикѣ. Новый трудъ г. Иловайскаго, знакомя подростящее поколѣніе съ великой русско-русской войной, вноситъ цѣнный вкладъ въ скудную литературу по отечественной исторіи. Рядомъ живо воспроизведенныхъ эпизодовъ составитель знакомитъ юношество съ героической эпохой новѣйшаго времени. Въ предисловіи г. Иловайскій разъясняетъ нѣсколько странное наименованіе, данное этой войнѣ; по его словамъ «русско-русская война началась вслѣдъ за русско-японской. 17 октября 1905 года былъ разрывъ дипломатическихъ сношеній, а 18 начались военныя дѣйствія» (стр. III).

Нельзя однако не отмѣтить нѣкоторыхъ странностей и неясностей, допускаемыхъ въ изложеніи; такъ, напримѣръ, на стр. 31 читаемъ: «При обстрѣливаніи нами русскаго флота былъ взятъ въ плѣнъ ихъ главнокомандующій, а также нѣсколько матросовъ» здѣсь неясно кого кто взялъ въ плѣнъ и для чего? Кто это «мы» и кто «русскіе»?

Точно также неясна и сбивчива фраза: «Взятіе Москвы обошлось намъ не дешево, но за то сильный уронъ былъ нанесенъ также и русскимъ» (стр. 48). О какомъ взятіи Москвы здѣсь говорится? Вѣдь рѣчь идетъ о 1905 годѣ, а не о 1812...

Или: «населеніе русскихъ деревень при приближеніи нашихъ войскъ тѣтено просило пощады» (стр. 63 и 64).

Или еще:

«При набѣгахъ нашей боевой организаціи (?) на вражескую періодическую печать (??) удалось захватить въ плѣнъ множество редакторовъ, а также художниковъ» (стр. 52).

О какой боевой организаціи сообщаетъ авторъ—трудно понять. Какъ извѣстно, дѣла по преданію редакторовъ суду возбуждались Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати *) и разсматривались соотвѣтствующими

*) Впрочемъ, упраздненнымъ 17 октября 1905 г.

судебными вѣдомствами. Выраженіе «удалось захватить въ плѣнъ» вмѣсто «посажены въ тюрьмы по приговору судей» врядъ ли педагогично.

Вообще для автора истинное значеніе понятій «мы» и «русскіе» такъ до конца и остается невыясненнымъ; иногда для разъясненія онъ вводитъ слово «врагъ», но и это не помогаетъ дѣлу. Такъ на стр. 59 находимъ: «С. Ю. Витте, намѣреваясь заключить договоръ съ врагомъ и т. д.». Съ какимъ врагомъ: съ «нами», или съ «русскими»? Или рѣчь о Портсмутскомъ договорѣ?

По отношенію къ членамъ Государственной Думы также попадаются очень странныя фразы; одни и тѣ же лица то называются «измѣнниками», то «лучшими людьми страны», то кратко «арестованные» (стр. 102, 132, 145 и 282). Это вноситъ не малую путаницу въ изложеніе.

Часто составитель не выясняетъ точно мѣста дѣйствія. Такъ, на (стр. 163 строка 5-я сверху) говорится: «Профессоръ Гредескулъ, заключенный въ тюрьму и проч.». и тутъ же (строка 18-я): «Профессоръ Гредескулъ по вопросу объ амнистіи высказался...» Спрашивается, гдѣ же собственно онъ высказывался объ амнистіи: въ тюрьмѣ или въ Думѣ? Эти два понятія своеобразно путаются. Въ концѣ книги г. Иловайскій избѣгаетъ оба наименованія и выражается такъ: «Учрежденіе на Шпалерной». Но такъ какъ на Шпалерной улицѣ находится и Государственная Дума и Домъ предварительнаго заключенія, терминъ этотъ врядъ ли можно считать точнымъ. Встрѣчаются также нѣкоторыя нежелательныя опечатки; такъ на стр. 132 «революція министра Дурново» вм. «резолуція» и даже (134 стр.) «Витте, всѣми силами отстаивая анархію»; очевидно, вмѣсто «монархію» и др.

Въ общемъ однако юношество здѣсь многому можетъ научиться. Языкъ простой и эпически спокойный. Портреты дѣятелей исполнены изящно (Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ). Укажемъ однако, что одинаковая подпись «герои русско-русской войны», помѣщенная, напр. подъ Хрусталевымъ и Рененкамфомъ, недостаточно вразумительна.

Цѣна книги невелика, и рекомендація министерства внутренихъ дѣлъ вполне умѣстна. О. Дымовъ.

Заставки и концовки въ текстѣ 2-го № работы: И. Билибина и М. Добужинскаго на 2-ой стр.—гравюра Ходовецкаго (1726—1801).

Редакторъ П. Н. Троянскій.

Издатель Е. Е. Лансере.

ХУДОЖНИКИ: Б. И. Анисфельдъ, Л. С. Бакстъ, Алекс. Бенуа, И. Я. Билибинъ, И. И. Бродскій, Аксель Галленъ (Финляндія), П. Галоненъ (Финлянд.), А. Ф. Гаушъ, И. Э. Грабарь, З. И. Гржебинъ, М. Д., Эрро Ернефельдъ (Финлянд.), А. Зальцманъ, С. В. Ивановъ, Д. Н. Кардовскій, Е. С. Кругликова, Б. М. Кустодіевъ, Е. Е. Лансере, М. П. Латри, В. Н. Левитскій, А. Любимовъ, Е. К. Маковская, В. Д. Миліоти, Н. Д. Миліоти, А. П. Остроумова, Л. О. Пастернакъ, И. Плехановъ, І. Риссаненъ (Финлянд.), Ю. И. Рѣпинъ, Саариненъ (Финлянд.), К. А. Сомовъ, Д. С. Стеллецкій, В. А. Сѣровъ, П. Н. Троянскій, В. Я. Чехберсъ, М. Ч. П. Е. Щербовъ, К. Э. Юонъ.

ПИСАТЕЛИ: Allegro, А. Амфитеатровъ, Л. Андреевъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, А. Блокъ, В. Брюсовъ, А. Бѣлый, И. Бунинъ, Галичъ, М. Горькій, С. Гусевъ Оренбургскій, О. Дымовъ, В. Жаботинскій, Б. Зайцевъ, Л. Зиновьева-Аннибалъ, Вяч. Ивановъ, В. В. Каррикъ, Н. Крадѣвская, А. И. Купринъ, А. Б. Петрищевъ, С. Л. Поляковъ, Пэкъ, А. М. Ремизовъ, Силанъ, Скиталець, Э. Сологубъ, Тэффи, Д. В. Философовъ, Е. Н. Чириковъ, К. Чуковский, Г. Чулковъ, К. Эрбергъ и А. А. Яблоновскій.

ВЫПУСКАЮТЪ ЖУРНАЛЪ

Въ журналѣ примутъ участіе художники изъ журнала «Simplicissimus»—Т. Т. Гейне, Бруно Пауль, Р. Вильке, О. Гульбрансонъ. Изданіе будетъ выходить еженедѣльно размѣромъ отъ 12 до 16 стран. Въ каждомъ номерѣ 4—6 рисунковъ въ нѣсколько красокъ и 5—10 рисунковъ въ текстѣ. Журналъ будетъ печататься у Р. Голике и А. Вильборгъ въ двухъ изданіяхъ: обыкновенномъ на лучшей глазированной бумагѣ и роскошномъ (для подписчиковъ) на веленовой бумагѣ.

Подписная цѣна: 8 руб. въ годъ, 4 руб. на полгода и 2 р. на три мѣсяца. За границу: 12 р. Отдѣльные номера 15 к., въ провинціи—20 к. Подписка принимается: въ СПб. въ книжн. магаз. «Трудъ» (Невскій, 60) и во временной редакціи журнала «АДСКАЯ ПОЧТА».

Редакторъ П. Н. Троянскій.

Забалканскій просп., д. 20, кв. 17.

Издатель Е. Е. Лансере.

„ФАКЕЛЫ“

Каждая книга журнала выходитъ, какъ самостоятельный, вполне законченный сборникъ, подъ редакціей Г. И. Чулкова.

Въ изданіи сотрудничаютъ слѣдующіе поэты и художники:

Леонидъ Андреевъ, Allegro, К. Бальмонтъ, Л. Бакстъ, Ив. Билибинъ, А. Блокъ, В. Брюсовъ, Ив. Бунинъ, А. Бѣлый, М. Горькій, И. Грабарь, З. Гржебинъ, М. Д., Осипъ Дымовъ, Бор. Зайцевъ, В. Замирайло, Л. Зиновьева-Аннибалъ, Вяч. Ивановъ, А. Купринъ, Е. Лансере, Мирз, С. Найденовъ, А. Остроумова, А. Ремизовъ, Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, К. Сомовъ, Э. Сологубъ, В. Сѣровъ, К. Эрбергъ, Георгій Чулковъ и мн. др.

Полный списокъ сотрудниковъ будетъ опубликованъ въ ближайшей книгѣ «Факеловъ».

Въ первой книгѣ напечатанъ рассказъ Леонида Андреева «Такъ было».

Отъ Редакціи:

Мы полагаемъ смыслъ историческаго процесса въ исканіи человѣчествомъ послѣдней свободы. Мы привѣтствуемъ социалистическое движеніе, стремящееся разрушить старый экономическій порядокъ, но социализмъ не является для насъ единственной цѣлью и послѣдней формой общественности. Свободная мысль и свободное творчество поэтовъ и художниковъ, мудрецовъ и пророковъ—вотъ свѣтъ на пути человѣчества. Мы боремся за освобожденіе личности отъ цѣпей моральной, философской и религіозной догматики и не примиряемся съ поверхностнымъ міросозерцаніемъ, которое пытается ограничить сферу душевныхъ переживаній. Мы поднимаемъ нашъ факелъ во имя утвержденія личности и во имя свободного союза людей, основаннаго на любви къ будущему преобразованному міру. Въ этомъ смыслѣ мы анархисты. Полагая, что искусство само по себѣ является могучимъ орудіемъ для борьбы съ духомъ мѣщанства и косности, мы будемъ стремиться къ тому, что и наши идейныя цѣли раскрывались не въ тенденціозности, а въ свободномъ независимомъ творчествѣ.

Наряду съ произведеніями поэтовъ и художниковъ, мы имѣемъ въ виду давать статьи по вопросамъ философіи и общественности; въ этомъ отдѣлѣ въ ближайшихъ сборникахъ предполагаются къ напечатанію статьи Вяч. Иванова, Н. Лосского, К. Эрбергъ, Г. Чулкова, Льва Шестова и др.

Адресъ редакціи и конторы: СПб., Саперный, д. 10, кв. 55. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ «Наша Жизнь», Невскій, 19.

Цѣна каждой книги 1 рубль (на обыкновенной бумагѣ) и 1 р. 50 к. (на лучшей бумагѣ) и 1 р. 50 к. (на лучшей бумагѣ). Книгопродавцамъ скидка 25%.

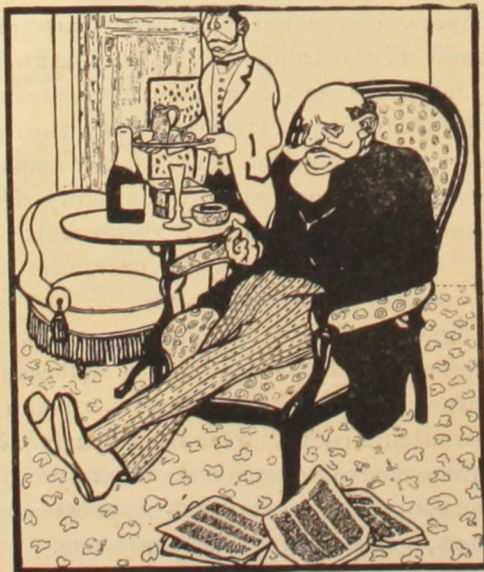

Рис. Бруно Пауль.

къ ЗАКОНУ О СТАЧКАХЪ.

— Бестыжая пролетарская сволочь! Посмотрѣлъ бы я на того, кто бы мнѣ помѣшалъ... если бы я захотѣлъ работать.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ШИПОВНИКЪ“

выпускаетъ 20-го Мая двѣ серіи хождественныхъ открытыхъ писемъ на социальнo-политическія темы въ исполненіи художниковъ изъ «Simplicissimus'a»: Т. Т. Гейне; Бруно Пауль; Р. Вильке и другихъ.

Готовится и въ скоромъ времени выйдетъ изъ печати третья серія, въ которой принимаютъ участіе художники „Адской Почты“: Б. Анисфельдъ; И. Билибинъ; З. Гржебинъ; М. Добужинскій; Е. Лансере; Д. Н. Кардовскій, Б. М. Кустодіевъ и друг.

Открытыя письма печатаются въ краскахъ и однотонныя на лучшей бумагѣ въ типографіи Р. Голике и А. Вильборгъ.

Контора и складъ издательства: С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, д. 23, кв. 61.

Приемъ по дѣламъ издательства ежедневно отъ 3 до 5 час. дня.